

А. П. Нарчук
(ГГУ им. Ф. Скорины, Гомель)

ОРГАНИЗАЦИЯ БЕССОЮЗНОГО СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье освещаются результаты, достигнутые в ходе исследования структуры сложного предложения с бессоюзной связью. Целью статьи является изучение проблемы бессоюзного предложения как выразителя особого типа синтаксических отношений. Изложенный в данной статье материал подтверждает положение о том, что внутри общей схемы бессоюзного предложения действуют разноуровневые синтаксические отношения, не позволяющие выделить его в один самостоятельный тип. Представляя собой образованные с помощью бессоюзной связи специфические синтаксические единства, бессоюзные предложения являются сложносочиненными и сложноподчиненными вариантами соответствующих союзных предложений.

Предложение как основная единица синтаксического строя немецкого языка прошло сложный исторический путь развития. Результатом этого явилось наличие множества его самых разных типов и форм, отличающихся особенностями отражения в нем внеречевых ситуаций объективной действительности. Одной из таких форм является сложное предложение и, как проявление этой специфики языкового выражения, его разновидность, организуемая бессоюзным видом синтаксической связи. Этот тип связи широко распространен в немецком языке и является объектом пристального внимания исследователей ввиду наличия, как отмечает В. Г. Адмони, «резких сдвигов», вызванных историческими событиями, прежде всего в области синтаксиса, «как более пластической и легко реагирующей на различные воздействия части грамматической системы» [1, с. 5–6].

Бессоюзная связь является древнейшей формой организации сложного предложения, для структуры которого было характерно элементарное соединение двух и более простых предложений. В древних языках для передачи самых разнообразных отношений преобладали короткие, аппозитивно расположенные простые предложения. Такое построение сложного предложения можно

проследить на следующем примере из готского языка: *afaruh Pan Bata innatgaggandin imma in Kafarnaum, duatiddja imma hundafaPs bidjands ina, jah qiPands: frauja, Piumagus meins ligiP in garda usliPa, harduba balwiPs. jah qaP du imma Iesus: ik qimands gahailja ina* [2, с. 172].

Связь между элементарными предложениями в этом фрагменте выражена нечетко, какие-либо рассуждения или усложняющие формулировки вообще отсутствуют. Основным типом языкового оформления является простое повествование, при котором не употребляются подчиненные предложения. Мы видим ряд самостоятельных предложений, тесно связанных семантически и лексически друг с другом и образующих с помощью бессоюзной связи единое сложносочиненное целое. При сравнении готского фрагмента с его переводом на русский язык выясняется, что в современном языке бессоюзная связь заменяется ярко выраженной союзной подчинительной либо сочинительной связью: *Когда же вошел Иисус в Капернаум, к нему подошел сотник и просил его: господи, слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает. Иисус говорит ему: я приду и исцелю его.* Там, где сегодня для отделения второстепенной мысли от главной требуются дополнительные предложения, древние германцы обходились словосочетаниями, включающими причастие: *innatgaggandin imma in Kafarnaum; bidjands ina; jah qiPands; harduba balwiPs; ik qimands.* Информация, существующая в старом тексте как подтекст имплицитно, в современном тексте выражена явно. Имеются все основания полагать, что причины этого следует искать в плоскости человеческого сознания. Высокая степень эксплицитности сегодняшнего выражения отражает, как пишет П. И. Копанев, общее движение языков «от синкретизма к дискретизму», в результате чего в них постепенно развиваются все новые функционально-семантические единицы. Это в конечном итоге «соответствует закономерностям познавательно-практической деятельности людей, под влиянием которой все больше развивается их мышление от малого расчленения объектов бытия и сознания ко все более детальному» [3, с. 20].

Сегодняшнее бессоюзное предложение представляет собой результат такого развития, в рамках которого с усложнением человеческого мышления возникла необходимость передавать в языковых формах все более детализованную информацию об объективной действительности. При этом количество этих форм как «системы означающих» приходило из-за их очень медленного увеличения в противоречие с «системой означаемых», предстающей бесконечной как сам мир. П. В. Копанев констатирует, что в этой

связи «означающие», т. е. языковые формы, оказываются чрезмерно полифункциональными, способными нести на себе сколько угодно означаемых, т. е. объектов бытия [3, с. 21]. Сегодняшние бессоюзные сложные предложения демонстрируют проявление именно такой полифункциональности. Формально они представлены схожими синтаксическими образованиями, а на содержательном уровне отражают две различные ступени развития сложного предложения – паратаксиса и гипотаксиса. Тем самым, внутри одной и той же языковой формы, называемой бессоюзным предложением, друг другу противостоят различные по своей природе типы синтаксических отношений. В связи с этим Е. В. Гулыга, подробно исследовавшая систему сложного предложения в немецком языке, отмечает, что «бессоюзие не есть третий тип синтаксических отношений, а особый способ сочетания предложений, противопоставимый союзному» [4, с. 85]. Этот посыл Е. В. Гулыги следует понимать так, что для любого бессоюзного предложения, как правило, может быть найдена замена в виде союзного сложносочиненного либо сложноподчиненного предложения. Это становится понятным при сравнении характерных бессоюзных предложений с выраженными в них отношениями сочинения и подчинения:

Später wurde die Praxis geschlossen, das Haus beschlagnahmt, ich musste mein Zimmer räumen [5, с. 24]. *Ein Taxifahrer sagte später aus, er **habe** den ebenfalls als Scheich verkleideten Schönnner mit einer als Andalusierin verkleideten jungen Frauenperson zu eben jenem Waldstück **gefahren*** [5, с. 10].

Здесь одной и той же схемой построения отражены разные смысловые отношения, которые установлены между отдельными частями сложного предложения. В первом случае мы наблюдаем паратактичную конструкцию с причинно-следственным отношением, выражающим результат, который фиксируется во второй предикативной части: *die Praxis wurde geschlossen und ich musste mein Zimmer räumen*. Второй пример обозначает отношение подчинения, благодаря которому второй предикативный компонент управляется первым, второстепенная мысль всего высказывания отделяется от главной и подчиняется ей: *ein Taxifahrer sagte aus, **dass** er den als Scheich verkleideten Schönnner zum Waldstück gefahren habe*. Наличие во второй части предложения конъюнктива *habe ... gefahren* позволяет придаточному компоненту формально выступать в качестве самостоятельного, но это не отменяет его принадлежность к уровню подчиненного предложения.

Аналогично сущностным образом отличаются, несмотря на их внешнее сходство, следующие примеры: *Kommt eines Tages der Lehrer, Tiroler war gerade dreizehn* [6, с. 26]. *Tu ich's jetzt nicht, so geschäh es niemals* [7, с. 16]. Функционирующие в качестве самостоятельных, простые предложения из первого примера являются единицами сложносочиненного синтаксического яруса с семантической связью перечисления. Хотя они выступают как грамматически независимые синтаксические элементы, они превращаются благодаря контактному расположению и соответствующему ритмико-интонационному противопоставлению в единый паратактичный комплекс. Второй пример, напротив, демонстрирует зависимость первого элемента *tu ich's jetzt nicht* от главного сообщения *so geschäh es niemals* внутри гипотаксиса. Следует, однако, учесть, что эта зависимость выражена с помощью бессоюзной связи настолько ослабленно, что приводит в условиях отсутствия союза к возможности более свободного размещения компонентов придаточной части по сравнению с союзной связью: *wenn ich's jetzt nicht tu, so geschäh es niemals*. При этом очевидно, что обсуждаемые бессоюзные и союзные придаточные предложения передают, как отмечает Е. В. Гулыга, одно и то же явление объективной действительности и могут заменяться друг другом [4, с. 87].

Анализ примеров позволяет, таким образом, вслед за Е. В. Гулыгой заключить, что бессоюзные предложения немецкого языка не могут рассматриваться как особый тип сложного предложения, имеющий самостоятельное значение. Их структурная схема объединяет внутри себя такие логические отношения, которые противостоят друг другу, поскольку по-разному передают одни и те же факты объективной действительности. Паратактичное устройство предложения отражает объекты бытия, которые в представлении человека мало связаны друг с другом, и не фиксирует наличие во внешней среде второстепенных деталей. Каждое явление передается элементарным предложением внутри паратаксиса как самостоятельная и независимая деталь. Гипотактичные конструкции представляют собой, по определению Г. С. Кнабе, «субъектно-предикативные единицы, содержащие только одну коммуникацию, вокруг которой сгруппированы и которой подчинены все остальные элементы». Тем самым через гипотаксис в языке реализована «потребность в отделении главного сообщения от второстепенных деталей и в подчинении последних первому» [8, с. 114].

Тот факт, что разные по своей природе синтаксические отношения оказались выраженными одной схемой, может объясняться определенной синонимичностью отношений между паратаксистом и гипотаксистом. Это свойство присуще союзным сложным предложениям в целом, а когда речь идет о бессоюзных предложениях, то в условиях отсутствия союза видно еще отчетливее, что семантические ядра составных компонентов гипотаксиса вполне допускают их замену паратаксистом, и наоборот. Например: *du denkst wohl, ich kann nicht Traktor fahren?* [6, с. 18] (гипотаксис); *die Wohnung wurde anschließend gründlich durchsucht, es wurden einige Gegenstände beschlagnahmt* [5, с. 20] (паратаксис). Ближе всего к гипотаксису оказывается второе сложносочиненное предложение, поскольку в нем передается явное временное отношение с выражением предшествования. Первый пример может быть легко преобразован в паратаксис путем включения в элементарное предложение элемента *folgendes*: *du denkst wohl folgendes, ich kann nicht Traktor fahren*. Мы видим, как в обоих случаях конструкции сближаются и обнаруживают синонимические связи. Точно так же приведенный ранее пример паратаксиса *kommt eines Tages der Lehrer, Tiroler war gerade dreizehn* пронизан временным отношением с подчинительной связью и также свидетельствует о размытости границы, проходящей между бессоюзными паратаксистом и гипотаксистом.

Принципиальным, однако, является тот факт, что внутри бессоюзных предложений в каждом отдельном случае функционируют как сочинительные, так и подчинительные отношения. Такая ситуация с двумя разными типами синтаксической связи становится более понятной при обращении к следующей констатации Г. С. Кнабе: «... происхождение гипотаксиса из более древнего паратаксиса в настоящее время может считаться доказанным» [8, с. 113]. При таком подходе очевидно, что эволюция бессоюзного предложения естественным образом отразила в его полифункциональной структурной схеме паратактичность и гипотактичность как воплощение сочетания различных постоянно взаимодействующих и взаимопроникающих синтаксических черт, выражающих содержательный план сложного предложения современного немецкого языка.

Список использованной литературы

1. Адмони, В. Г. Пути развития грамматического строя в немецком языке / В. Г. Адмони. – М.: Высшая школа, 1973. – 176 с.

2. Чемоданов, Н. С. Хрестоматия по истории немецкого языка / Н. С. Чемоданов. – М.: Высшая школа, 1978. – 288 с.

3. Копанев, П. И. О некоторых свойствах этноязыка и их важнейших следствиях / П. И. Копанев // Интерлингвистические аспекты языковых реформ и проблемы лингвоконструирования: тезисы докладов 2-ой конференции по интерлингвистике, Тарту, 4–6 октября 1990 г. – Тарту, 1990. – С. 20–22.

4. Гулыга, Е. В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке / Е. В. Гулыга. – М.: Высшая школа, 1971. – 208 с.

5. Böll, H. Die verlorene Ehre der Katharina Blum / H. Böll. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 1995. – 160 S.

6. Stade, M. Der Windsucher und andere Dorfgeschichten / M. Stade. – Stuttgart: Ernst Klett Verlage KG, 1984. – 184 S.

7. Goethe, J. W. Die Leiden des jungen Werther / J. W. Goethe. – Hamburg: Lesehefte Verlag, 2009. – 120 S.

8. Кнабе, Г. С. Ещё раз о двух путях развития сложного предложения / Г. С. Кнабе // Вопросы языкознания. – 1955. – № 1. – С. 108–116.